

На правах рукописи

Леонтьева Татьяна Валерьевна

**МОДЕЛИ И СФЕРЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНОЙ СЕМАНТИКИ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина»

Научный консультант	доктор филологических наук, профессор <i>Березович Елена Львовна</i>
Официальные оппоненты:	<i>Фролова Ольга Евгеньевна</i> , доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», заведующий Межкафедральной лабораторией фонетики и речевой коммуникации <i>Подюков Иван Алексеевич</i> , доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», заведующий кафедрой общего языкознания <i>Белякова Светлана Михайловна</i> , доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», профессор кафедры общего языкознания
Ведущая организация:	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Защита состоится «15» декабря 2015 г. в 11-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://dissovet.sciense.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена анализу русской диалектной лексики социальной регуляции — номинаций, зафиксировавших представления носителей языка об организации жизни сообщества людей. В центре внимания находится отражение в языке классического феномена традиционной крестьянской жизни. Данное исследование, продолжающее традицию научных изысканий в русле антропологической лингвистики, сложившуюся в трудах таких ученых, как В. Гумбольдт, Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, И. Вайсгербер, А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев и др., а затем исследователей, использующих диалектные данные, факты истории языка, общеславянский фон (Т. А. Агапкина, Н. П. Антропов, Е. Бартминский, О. В. Белова, С. М. Белякова, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, Ж. Ж. Варбот, Т. И. Вендина, Т. В. Володина, А. В. Гура, А. Ф. Журавлев, Н. И. Коновалова, Д. Младенова, В. М. Мокиенко, С. Е. Никитина, И. А. Подюков, И. И. Русинова, М. Э. Рут, И. А. Седакова, Н. И. Толстой и С. М. Толстая, В. Н. Топоров, А. Т. Хроленко, О. А. Черепанова, А. В. Штейнгольд, Е. И. Якушкина и др.), принадлежит к работам этнолингвистического направления в том его понимании («узком», согласно концепции основателей Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстого и С. М. Толстой), согласно которому языковой материал рассматривается как источник изучения культуры.

Вопросам комплексного анализа лексических множеств, составленных языковыми единицами русских народных говоров, в семантико-мотивационном аспекте уделяется большое внимание коллективом екатеринбургских этнолингвистов, в числе которых и автор данного исследования (О. В. Атрошенко, Е. Л. Березович, К. С. Верхотурова, Ю. Б. Воронцова, Н. В. Галинова, М. А. Еремина, Ю. А. Кривошапова, К. В. Пьянкова, М. Э. Рут, А. В. Тихомирова, Л. А. Феоктистова, Е. В. Шабалина и др.).

В работе выявляется семантико-мотивационное своеобразие диалектной лексики социальной регуляции. Носитель языка трактует отдельные элементы предметно-событийной действительности как имеющие отношение к способам организации жизни человеческого сообщества, и такая интерпретация явлений находит отражение в лексических единицах языка.

Смысл ‘социальная регуляция’ воплощается в глаголах *регулировать*, *управлять*, *организовывать*, *воздействовать* и под., и в этом случае он присутствует в ядре семантики лексем. Однако данные глаголы и их дериваты, разумеется, не представлены в дифференциальной лексической системе русских народных говоров. Этот смысл может выражаться другими номинативными средствами, например, лексикой обычая, воспитания и др.

В связи с проблематикой работы актуально понятие интерпретативов, введенное Ю. Д. Апресяном по отношению к глаголам и глагольным выражениям (*вредить*, *грешить*, *злоупотреблять*, *карать*, *обелять*, *покровительствовать*, *поступить неправильно* и др.), которые «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния». *Регуляция* – также отглагольное образование, и исходный глагол *регулировать* содержит квалификативный смысл в ассертивной части значения (выражает логическую оценку объекта с точки зрения его функции).

При формировании лексико-семантических полей обычно за основу берется денотация слов, однако перед нами стояла нетривиальная задача определения статуса, состава и границ лексико-семантического множества «Социальная регуляция», поскольку социально-регулятивный компонент семантики часто обнаруживается в прагматической части значения слова, сохраняющей знания об отношении говорящего к денотату, об эмоциональных, эстетических, логических, утилитарных и иных смыслах, связываемых в языковом сознании с денотатом. Ср.: Л. П. Крысин говорит о том, что социальное в слове может присутствовать не только в ассертивной, но и в пресуппозиционной части его лексического значения. Например, лексема или фразеологизм со значением ‘засидевшийся гость’ имеет обычно коннотацию неодобрения, которая свидетельствует о том, что поведение гостя регламентируется, в частности, есть определенные ожидания в отношении длительности пребывания в чужом доме. Различная «локализация» смыслового компонента ‘регулировать’ позволяет рассматривать обширные лексические множества как выражающие социально-регулятивные смыслы, обнаруживаемые на разных «уровнях» семантической структуры лексических единиц.

При этом социально-регулятивные смыслы находят выражение не только в семантике, но и в мотивации слов. Модели номинации могут объединяться

в зависимости от того, какие понятийные области, выделяемые согласно сферам действительности, поставляют лексико-семантический инвентарь для создания слов интересующих нас лексико-семантических полей. Для учета и анализа операций мыслительного ассоциирования нами используется термин *предметно-тематический код*; это совокупность языковых знаков, служащих обозначениями понятий, дискретных представлений носителя языка об одной сфере действительности, через посредство которых носитель языка осмысляет действительность иного рода. Например, носители русских народных говоров обращаются для «опредмечивания» и истолкования своих представлений о гощении к пространственно-временному, кулинарно-гастрономическому, социально-коммуникативному, речевому, обиходно-бытовому и другим кодам. Отметим, что не все слова, репрезентирующие код, имеют метафорическую природу. Например, фразеологизм *быть на разгово́рах* ‘быть в гостях’ содержит слово *разговор*, по которому мы представим данное выражение при описании речевого кода, однако образный компонент здесь отсутствует. Еще одна логическая подсистема, дающая основу для интерпретации лексического материала, – разветвленная и многоуровневая система мотивов – смыслов, служащих основанием сближения двух понятий, образов. Экспликация частных, сквозных мотивов и мотивационных доминант проводится на разных ступенях анализа с разной степенью абстрагирования от образного основания фразеологизма или внутренней формы слова. Так, в обозначениях гостя выявляется мотивационная доминанта передвижения в пространстве, которая объединяет сквозные мотивы направленного движения (*приходить в гости*), ненаправленного движения (*перегуливаться, бегать по гостям*), интенсивного движения (*вихорная баба*), отклонения от основного пути (*приверну́ть* ‘заехать, зайти попутно, мимоходом’), каждый из которых воплощен в ряде мотивировочных признаков. Набор мотивов и набор кодов «сцепляют» языковой материал, «цементируют» поле каждый со своей стороны.

В данной работе лексическое множество «Социальная регуляция» рассматривается как *мотивационно-семантическое поле* – объединение лексических и фразеологических единиц на основе общего смыслового компонента (в нашем случае – ‘регулировать отношения в социуме’), который не имеет репрезентативного номинативного выражения в изучаемом языковом идиоме (т. е. в изучаемой лексической системе нет слова, которое можно было бы счи-

тать именем поля), но присутствует в структуре значений слов в ассерции либо пресуппозиции и выполняет функцию своеобразной мотивирующей архисемы (служба, тем самым, основанием семантической мотивации в данном лексическом массиве). Такое поле имеет дискретную структуру, то есть включает в себя ряд лексико-семантических подмножеств (группировок разного типа: лексико-семантические поля или их отдельные зоны, синонимические ряды и т. д.), поскольку смысловой компонент имеет приоритетные сферы лексической репрезентации, которые могут не быть связанными между собой.

Интерес для нас представляют семантические и мотивационные связи внутри избранных для анализа лексических подмножеств (сфер лексической репрезентации) и в изучаемом поле в целом с учетом того, что и продуктивность моделей номинации, и разнообразие значений слов, и номинативная плотность разных участков поля, и линии семантической деривации во многом предопределены актуальной для данной семантической области идеей социальной саморегуляции.

Состояние разработки вопроса о репрезентации в русской лексике социально-регулятивного аспекта взаимодействия людей в крестьянской общине. Попыты экспликации социально-регулятивных смыслов содержатся в исследованиях, имеющих своим материалом обозначения единиц социума, то есть человеческих сообществ – *люди, народ, мир, артель, племя, род* (Э. Бенвенист, Е. Л. Березович, Ж. Ж. Варбот, В. И. Дегтярев, В. В. Колесов, С. Е. Никитина, Ю. С. Степанов, О. Н. Трубочев и мн. др.).

Изучались обозначения социальных регуляторов, к которым в работах общественно-гуманитарных направлений относят обычай и общественное мнение. Выборочно анализировались номинации соответствующих лексико-семантических множеств – «Общественное мнение» (А. В. Бастриков, Т. И. Краснянская, Е. В. Нагибина, Н. В. Татарина, А. Д. Шмелев и др.), «Обычай» (Т. И. Белица, О. М. Исаченко, Ю. Н. Грицкевич и В. Г. Новиков, Г. В. Калиткина, В. В. Колесов, А. В. Кравченко, А. Мустайоки, И. Т. Вепрева, И. В. Палашевская, И. В. Попова, Ю. С. Степанов, Н. Д. Федяева, А. Р. Хунагова, О. В. Чурсина, Ж. Ю. Шацкая, М. В. Шацкая и др.). Г. Ю. Веснина, Л. Г. Ефанова, Н. Д. Федяева включают слово *обычай* в ряд обозначений нормы, утверждая трактовку обычая как социального регулятива.

На основании анализа лексических фактов и текстов проводится реконструкция норм поведения человека во время трапезы (В. Е. Добровольская, Г. И. Кабакова, К. В. Пьянкова и др.), в игровых формах взаимодействия (И. А. Морозов, И. С. Слепцова), при исполнении ритуалов, связанных с соблюдением народного календаря, похоронно-поминальных, свадебных и иных обрядов (Е. Л. Березович, А. В. Гура, В. Е. Добровольская, А. А. Дубинина и т. д.), во время обрядовых и «соседских» гощений (А. К. Байбурин, А. Л. Топорков, А. Б. Болхоева, Е. Л. Березович, Г. Р. Гарипова, Г. И. Кабакова, Л. Г. Невская и др.), в трудовой жизни русской деревни (О. В. Борщева, Е. В. Брысина, М. А. Еремина, Л. Е. Кругликова, Т. А. Литвинова, А. Р. Попова и др.). Об обычае коллективной помощи одному из жителей деревни писали Г. В. Афанасьева-Медведева, И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, Ж. Ж. Варбот, М. М. Громыко, И. Янышкова и др.

Средством трансляции норм, в том числе социальных, является воспитание. Н. И. Никулина отмечает, например, взаимодействие смыслов 'обучать' и 'наказывать' в русских диалектных словах лексико-семантического поля «Воспитание, образование».

Анализ работ близкой нашему исследованию проблематики показывает, что в научных трудах содержатся отдельные наблюдения над лексическими репрезентациями представлений о социально-регулятивном аспекте взаимодействий людей в традиционном обществе. Номинации, репрезентирующие социальные феномены жизни русской деревни, имманентно имеющие регулятивную природу, анализировались ранее, но вне актуализации той связи между языковыми фактами, которая позволяет считать их организованной лексической системой, не изучались принципы организации этой системы. До настоящего времени учеными не предпринималось комплексного этнолингвистического исследования русской диалектной лексики, запечатлевшей многокомпонентный феномен социальной регуляции, осуществляемой вне институтов власти.

Объект исследования – мотивационно-семантическое поле «Социальная регуляция», выявляемое на материале лексики русских народных говоров.

Предмет исследования составляют особенности репрезентации социально-регулятивного компонента в структуре семемы и в мотивационных моделях, реализуемых в лексике русских народных говоров.

Материал исследования и его источники. Лексика, составляющая материал исследования, извлечена из различных (преимущественно диалектных) словарей русского языка и неопубликованных лексических картотек. Всего к исследованию были привлечены свыше трех тысяч лексических единиц. Источниками послужили «Словарь русских народных говоров», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словарь говоров Русского Севера», «Архангельский областной словарь», «Словарь вологодских говоров», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Новгородский областной словарь», «Псковский областной словарь с историческими данными», «Поморьска говоря: краткий словарь поморского языка» И. И. Мосеева, «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словарь орловских говоров», «Словарь пермских говоров», «Большой толковый словарь донского казачества», «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия», «Словарь русских говоров Сибири» и др. (всего 57 лексикографических источников, в том числе многотомных). Языковые единицы отбирались путем фронтального просмотра словарей.

В работу включены неопубликованные или частично опубликованные материалы картотеки Словаря говоров Русского Севера, лексической картотеки топонимической экспедиции, которые собраны в результате многолетней полевой работы сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, и картотеки Словаря русских народных говоров, хранящейся в Институте лингвистических исследований Российской академии наук.

На этапе установления состава и границ исследуемого лексико-семантического множества использовались материалы идеографических словарей: «Толковый словарь русских глаголов» (под ред. Л. Г. Бабенко), «Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» (под общ. ред. Н. Ю. Шведовой), «Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области» (О. В. Востриков, В. В. Липина).

Обращение к словарям русского литературного языка («Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова; «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка» А. К. Жолковского и И. А. Мельчука; «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»;

«Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой; «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах; «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой; «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов») обусловлено задачей интерпретации слов из фонда общенародной лексики (*обычай, гостить, воспитывать* и др.).

Для анализа представлений о госте привлекались ассоциативные словари: «Словарь ассоциативных норм русского языка» (1977), «Русский ассоциативный словарь» (2002), «Славянский ассоциативный словарь» (2004).

Примеры употреблений отдельных анализируемых слов в современной разговорной речи, в фольклорных текстах были извлечены из баз данных «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ), «Фундаментальная электронная библиотека: литература и фольклор» (ФЭБ).

При комментировании происхождения слов и истории развития их значений использовались «Этимологический словарь славянских языков»; «Словарь Академии Российской»; «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)»; «Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам XI–XIV вв.» И. И. Срезневского; «Словарь русского языка XI–XVII вв.»; «Словарь русского языка XVIII в.»; «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук» и др.

В поддержку выводов, полученных в ходе исследования лексики социальной регуляции, приводятся выдержки из этнолингвистического словаря «Славянские древности».

Цель работы – выявление семантико-мотивационного своеобразия русской диалектной и общенародной лексики, характеризующей явление социальной регуляции неинституционального типа в народной крестьянской культуре.

Сообразно цели предполагается решение следующих **задач**:

1) обоснование присутствия социально-регулятивного смыслового компонента в семантической структуре слов, принадлежащих народной языковой традиции, и определение принципов формирования множества языковых единиц, соотносительных с явлением социальной регуляции неинституционального типа;

2) выявление корпуса общенародных и диалектных слов русского языка, репрезентирующих феномен социальной регуляции неинституционального типа в традиционном обществе;

3) конкретизация объекта исследования в виде мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция», включающего в себя лексические группировки «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Обучение»;

4) системная семантическая интерпретация каждого лексического подмножества, соотносительного с понятием социальной регуляции неинституционального типа, выявление идеограмм, характеристика полевых структур;

5) систематизация мотивов, выявленных в результате анализа внутренней формы лексем и фразеологизмов каждой семантической области;

6) группировка образов, выявленных в результате анализа лексем и фразеологизмов каждой семантической области, по сферам отождествления (предметно-тематическим кодам);

7) выделение социально-регулятивного компонента семантики языковых единиц, принадлежащих избранным для анализа лексико-семантическим подмножествам, сформированным на материале русских народных говоров;

8) этнолингвистическая интерпретация лексики семантических полей «Обычай», «Гощение», «Коллективная работа», «Обучение», в ходе которой выявляются представления о социальной регуляции в традиционном крестьянском обществе;

9) этимологизация «темных» лексем на основе данных мотивологического анализа лексики;

10) разработка и внедрение рекомендаций для полевого сбора социальной лексики в условиях экспедиции.

Методы. На каждом этапе исследовательской работы использовались адекватные материалу и задачам приемы и методики. Выборка слов осуществлялась путем фронтального просмотра словарей и картотек. Анализ лексического материала проводился с помощью методов семантико-мотивационной реконструкции, приемов идеографического, компонентного, этимологического анализа, лингвостатистики, текстового эксперимента, интерпретации контекстной семантики, анализа дефиниций. Применялись методы сопоставительного (контрастивного) анализа, систематизации, типологизации, обобщения сведений об особенностях лексической репрезентации представлений о социальной регуляции. Разрабатывались приемы структурирования избранного для анализа фрагмента лексико-семантического поля «Социальная регуляция».

Актуальность исследования определяется прежде всего тем, что комплексное этнолингвистическое исследование лексики социальной регуляции по данным русских народных говоров ранее не предпринималось. Выявление семантико-мотивационного своеобразия данного лексического поля позволит целостно охарактеризовать важный фрагмент русской языковой картины мира, связанный с представлениями носителей русского языка о социальной регуляции неинституционального типа в крестьянской общине. Диссертационная работа в числе других исследований способствует решению глобальной задачи накопления опыта этнолингвистической интерпретации языковых данных. Затронутая проблематика актуальна с позиций развития идей лингвистической аксиологии. Анализ собранной лексики дает возможность осмыслить ряд социальных феноменов – обычай, хождение в гости, коллективный труд, воспитание – через призму представлений носителей русских народных говоров о саморегуляции – феномене, вскрывающем элементы базовой системы ценностей традиционного социума.

Новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые выявляется семантико-мотивационное своеобразие русской лексики социальной регуляции. В ходе исследования диалектных слов определяются принципы отбора и изучения лексики, семантическую категоризацию которой можно считать неочевидной, поскольку поле в этом случае не обладает выраженной таксономией, иерархической структурой, в нем слабо представлены родо-видовые связи. Анализируется несколько лексико-семантических подмножеств: «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Обучение». Сделанные выводы имеют ценность для изучения этнокультурного своеобразия лексики русского языка. Новизна работы обусловлена также введением в научный оборот и интерпретацией лексики, ранее не включенной в лексикографические источники и не выступавшей объектом семантического и мотивационного исследования. Проведена этимологизация «темных» лексем на основе данных мотивологического анализа лексики. Разработаны рекомендации для полевого сбора социальной лексики в условиях экспедиции.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней продемонстрированы возможности анализа нетривиальных семантических множеств, элементы которых содержат определенный смысловой компонент (в нашем случае ‘социальная регуляция’) либо в ассертивной, либо в пресуппозиционной части

значения языковых знаков; показаны пути изучения мотивационно-семантических полей, объединяющих слова по интерпретативному компоненту семантики, локализованному преимущественно в прагматическом слое значения слова. Разработанные принципы структурирования и семантико-мотивационной интерпретации таких множеств и методика их изучения могут быть применены к различным объединениям слов со сходными свойствами. Предпринятое исследование вносит вклад в развитие лингвистической аксиологии. Результаты анализа лексики, характеризующей социальную регуляцию, могут быть полезны для верификации выводов, которые предлагаются в трудах исторического, логико-философского, этнологического и других научных направлений при осмыслении механизмов общественной регуляции.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов в области прикладной лексикографии: по итогам исследования может быть разработана или усовершенствована методика полевых диалектологических и этнолингвистических исследований, поскольку социальная лексика русских народных говоров на сегодняшний день собрана и описана недостаточно полно. Прикладной аспект исследования состоит в применении результатов в учебной практике, а именно в преподавании дисциплин гуманитарного цикла: этнолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, диалектология, лексикология, лексикография, ономазиология, культурология, социология, философия, история и др.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **основных положениях, выносимых на защиту**.

1. Лексика со значением социальной регуляции неинституционального типа, представленная в общенародном русском языке и говорах, образует мотивационно-семантическое поле, включающее в себя несколько лексических подмножеств, среди которых наиболее репрезентативными в этнолингвистическом плане являются «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Обучение».

2. Лексика, составляющая мотивационно-семантическое поле «Социальная регуляция», объединена социально-регулятивным компонентом семантики, который присутствует либо в ассертивной, либо в пресуппозиционной части значения слова, а также реализуется в отношениях семантической мотивированности.

3. Центральную часть мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция», сформированного на основе лексики русских народных говоров, составляет обычай как семантический мотиватор, выраженный словом *обычай*, обозначающим социальное установление, сложившееся в естественной коммуникации, а также его синонимами и аналогами. Своеобразие семантического пространства существительного *обычай* заключается в том, что в нем присутствует в качестве стержневого смысл 'нормативность', наряду с семами 'деятельностный характер', 'интериоризованность моделей поведения', 'принадлежность человеку или сообществу людей'. Социально-регулятивная семантика представлена в ядерной части структуры значения слова *обычай* и других лексем со значением 'обычай'. Мотивационный анализ таких слов выявляет наличие нормативно-регулятивных мотивов (наряду с бытийными, ментально-психологическими и субъективно-оценочными).

4. В структуре поля «Социальная регуляция» выделяются зоны:

– зона приоритетов – семантическая область, объективированная преимущественно в лексике русских народных говоров (в отличие от литературного языка), поскольку соотносится с традиционной народной крестьянской культурой, в которой основным социальным регулятором является обычай;

– зона доминант – семантическая область, характеризующая такие виды взаимодействия, как гощение и трудовые отношения, закрепившиеся в данной этнокультурной традиции даже за пределами крестьянской культуры, и объективированная в комплексе диалектных номинаций, частично отличном от такой лексики литературного языка по составу идеограмм, номинативной плотности его участков и мотивационной структуре;

– зона неспецифических констант – семантическая область, репрезентирующая обучение (воспитание, образование, приобщение к культуре) как способ социального воспроизводства в сообществе любого типа, воплощенная в комплексе номинаций, обладающем семантическим и мотивационным единством для всех разновидностей русского языка.

5. Номинации лексико-семантического поля «Гощение» указывают на высокую степень регламентированности поведения человека в гостевой коммуникации. Информация об этом содержится преимущественно в пресуппозиционной части значений лексем, значительно реже – в ассертивной. Социально-регулятивные смыслы сконцентрированы

в семантике лексем данной сферы. В эксплицируемых на основе анализа внутренней формы слов мотивах акцент на идее регуляции выражен здесь в меньшей степени.

6. Среди лексем, репрезентирующих представления о трудовых отношениях в крестьянской общине, присутствуют номинации, свидетельствующие о концептуализации труда как социального феномена, выполняющего организующую роль. Семантический и мотивационный анализ диалектных единиц показывает, что важными оказываются социальные связи «по горизонтали»: консолидация усилий членов общины, взаимопомощь, способность или неспособность человека работать в коллективе.

7. Лексика обучения в русском языке фиксирует представления о разнообразии ситуаций познания человеком социальной и иной действительности: воспитание детей, морально-этическое воздействие на человека, освоение в новой социальной среде, обучение в образовательных учреждениях, освоение практических умений и навыков, приобретение жизненного опыта и др. Рельефнее прочего в лексике русских народных говоров репрезентированы представления о воспитании детей родителями и об адаптации к новой социальной среде. На уровне мотивации лексем выявляются мотивы ориентира, трансформации объекта, ограничения свободы и содействия человеку в социальном становлении.

8. Данные, полученные в ходе мотивологического анализа номинативного комплекса, позволяют провести интерпретацию непрозрачных в этимологическом отношении лексем (*постен* ‘обычай’ и др.), оценить правомерность имеющихся трактовок и предложить новые версии появления у слова «социальных» значений.

Апробация работы. Основные положения изложены автором в докладах на конференциях и конгрессах: Всероссийская научно-практическая конференция (Вологда, 13–15 окт. 2008 г.), XXIV и XXV Всероссийское диалектологическое совещание (Санкт-Петербург, 29–30 января 2008 г.; 3–4 февраля 2009 г.), Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.), IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2010 г.), международная научная конференция «Баранниковские чтения» (Саратов, 15–17 ноября 2010 г.), международная на-

учная конференция «Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах» (Самара, 12–14 мая 2011 г.), II Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.), Третий Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–8 февраля 2014 г.) и др. Разработанные рекомендации по сбору лексики и фразеологии семантических областей «Гощение», «Коллективная взаимопомощь» использовались диссертантом и другими участниками экспедиции при сборе диалектного лексического материала. «Российским гуманитарным научным фондом» поддержаны два гранта по теме диссертации: проект 11-34-00717м «Социум глазами диалектоносителя» (2011 г.) и проект № 14-04-00274а «Вербальные репрезентации обычая в русском языке» (2014 г.).

Структура работы включает введение, пять глав, заключение, список литературы, список источников и список принятых сокращений.

Основное содержание работы

Во ВВЕДЕНИИ диссертации обоснована актуальность работы, обозначены объект и предмет исследования, сформулированы его цель и задачи, охарактеризованы материал исследования и подходы к его изучению.

В главе 1 – «ПОЛЕВОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ» – уделяется внимание вопросам ограничения изучаемого материала. В параграфе **1.1. (Понятие социальной регуляции: экстралингвистические основания тематического ограничения исследуемого лексического материала)** приводятся определения слов *регуляция*, *регулировать*, *регулятор*, *регламент*, *регламентация*, *регламентировать* и комментируется выбор в пользу термина *социальная регуляция*: слово *регламент* и его дериваты соотнесены преимущественно с областью официальной деловой коммуникации. Знания из области общественных и гуманитарных наук, позволяют говорить о различении *институциональных* и *неинституциональных регуляторов* (или *механизмов регуляции*) поведения людей. К первым относят право, а также нормы, которые создаются деятельностью организаций, учреждений, инстанций, имеющих соответствующее назначение. Ко вторым относят «обычно-традиционные и нравственные нормы», которые формируются в самом процессе совместной жизнедеятельности людей (обычай, общественное мнение, одобрение или неодобрение обществом действий человека, трансляция соци-

ально-нормативного опыта от поколения к поколению и др.) и характеризуются нераздельностью субъекта и объекта регулирования. В зависимости от типа культуры актуальны способы внешней либо внутренней регуляции. Так, феномен внутренней социальной регуляции (или саморегуляции) соотносится с народной (крестьянской) культурой. В параграфе **1.2 (К вопросу о составе русской диалектной лексики со значением социальной регуляции)** указывается, что тип общества, тип культуры и язык (либо языковой идиом) находятся во взаимной проекции. Так, лексическими средствами современного русского литературного языка запечатлены представления об актуальных сегодня явлениях социальной жизни, а лексика русских народных говоров хранит сведения и представления об организации взаимодействий людей в крестьянском социуме. Анализируются данные идеографических словарей, а также научных публикаций, в которых предпринимались попытки классификации лексики с социальной семантикой. Ассортимент лексико-семантических подмножеств, выражающих семантику социальной регуляции, был определен методом фронтального просмотра словарей русских народных говоров. Обосновывается привлечение к исследованию лексических репрезентантов представлений о главном для обществ традиционного типа социальном регуляторе (обычае), о сферах действия обычая, а именно о необрядовых социальных взаимодействиях, регулируемых обычаем (гощение, коллективная помощь члену общины), а также о прямом регулирующем воздействии на человека (воспитание). Выбранное для изучения множество слов не исчерпывает всего объема номинаций, выражающих социально-регулятивную семантику, однако включает наиболее характерные для народной языковой традиции группировки лексики социальной регуляции.

В главе 2 – «ОБЫЧАЙ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ МОТИВАТОР ПОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ: СЛОВО И ПОНЯТИЕ» – уделяется внимание разносторонней характеристике слова *обычай*, его синонимов и аналогов в русских народных говорах, а также обзорно – в русском литературном языке.

В параграфе **2.1 (Слово *обычай* в русском языке: семантический анализ)** излагаются результаты анализа данных исторических словарей и корпусов русского языка, диалектных записей, текстов фольклора, позволяющих охарак-

теризовать семантическую палитру слова *обычай* в русском языке, интересную нам с точки зрения представленности в ней социально-регулятивных смыслов.

В «Словаре современного русского литературного языка» дается два значения слова *обычай*: ‘общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту народа, общественной группы’ и ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение; поведение, манера держать себя’.

Экскурс в историю развития значений слова *обычай*, составленный по данным исторических словарей русского языка, показывает, что спектр значений слова *обычай* был достаточно широк: ‘обыкновение, привычка, особенность образа жизни человека’; ‘обиход, образ жизни членов одной общественной группы, ее быт и нравы; порядок действий, привычный всем в данном социуме’; ‘обряд, традиция’; ‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, а также поведение, повадки животных’; ‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’; ‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество; ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества (кротость, приветливость, немногословность и др.)’; ‘дело, занятие’; ‘закон как распоряжение, положение, узаконенное светскими или духовными властями’ (9 значений). Причина разветвленности значений слова кроется в неоднородности подвергнутого анализу лексического фонда, поскольку в словарях XI–XIX веков представлены лексические факты, функционировавшие в разных дискурсах: в книжных текстах и в живой разговорной народной речи. С другой стороны, разнообразие семантической палитры слова *обычай* в словарях XI–XIX веков обусловлено высокой степенью детализации понятия по разным основаниям: «общественное – индивидуальное»; «внешнее – внутреннее»; «одионое – множественное»; «естественно возникшее – искусственно введенное»; «конкретное – обобщенное» и т. д. Спектр значений слова *обычай* лишь незначительно менялся на протяжении XI–XIX веков. В сущности те же значения, оттенки значений слова *обычай*, за исключением значений ‘закон’ и ‘дело, занятие’, сохраняются в современной речи (были проанализированы образцы употребления слова *обычай* в речи, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и из «Словаря современного русского языка» – более 500 предложений со словом *обычай*).

В русских народных говорах семантическая палитра слова *обычай* имеет специфику. Методика анализа состояла в определении особенностей контекст-

ной семантики, в выявлении ближайших текстовых партнеров слова *обычай*. Можно выделить четыре основные семантические линии:

1) ‘порядок в целом или отдельная особенность организации жизни человека, семьи или социальной группы’ (*В ка́жней х́ати малады́е спя́ть ф переду́, па́д абраза́ми. Тако́й уш был абы́чай; Красу́ но́сят. Абы́чая така́я была́* и др.). Ранее не были названы два значения слова *обычай*: ‘случай, происшествие, факт действительности, событие’: юж.-урал. ‘случай’ (*У нас сколько такех обычаев было, што убегали самовольно домой (в период революции, о белых)*); ‘хозяйственная утварь, орудия труда’, воплотившееся в рус. (карел.) *обы́чай* ‘хозяйственная утварь, орудия труда’ (*Внизу в музее весь наш деревенский обы́чай: и бороны, и рогатки для муки*), отличное от акциональных значений тем, что вместо действий здесь объектами номинации служат материальные предметы вещного мира, однако такой семантический сдвиг предсказуем: предметы хозяйственной утвари тоже являются частью образа жизни, быта;

2) ‘нрав, характер человека или животного’ (краснояр. *обычай* ‘образ жизни таежного зверя’ (*Обычай лисицы, что соболя. Он живет и в дуплях, и в корнях, и в камнях*), яросл. *обы́чай* ‘характер’ (*Легкий обы́чай; У него обы́чай плохой, да и у нее не лучше*) и др.). Социовозрастной стандарт поведения связывается и с образом молодой незамужней девушки – строптивой, своенравной, балованной родителями, не желающей расставаться с вольницей и не готовой перенимать чужие порядки, а также с образами вдовы и неженатого молодца;

3) ‘пристрастие, склонность’ (волог., орл., терск., иркут., север., пенз., ряз. *обычай* ‘склонность, интерес, любовь к кому-, чему-либо; вкус’ (*Сноха-то им не в обы́чай*), рус. (мордов.) *[не] в обы́чай бы́ть, прийтись кому́* ‘[не] по вкусу’ (*Ты жыниха-ть палюбиш, он тебе и в абы́чий; Иль ни в абы́чий картошкь?* и др.). То, что не нравится, воспринимается как чужое, противное привычному, а непривычное оценивается как «то, что не нравится, не по вкусу»;

4) ‘способ, образ действий’ (сиб. *каким обы́чаем* ‘как, каким образом’ (*А каким обы́чаем он то жалован[ь]е передал, и то писано в магазейском в хлебном сметном списке*), сиб. *никоторыми обы́чаи* ‘никаким способом, никаким образом’ (*Тою дорогою никаких людей никоторыми обы́чаи отнюдь не пропуска́ть*)).

В семантическом пространстве существительного *обычай* выявляются следующие смысловые компоненты: нормативность, деятельностный характер,

освоенность (или интериоризованность), принадлежность какому-либо сообществу или человеку. Под обычаем понимается какая-либо практическая закономерность, обусловленная естественным ходом вещей или введенным правилом, сложившаяся норма, регулирующая жизнь человека либо общества.

В задачи параграфа **2.2 (Вербальные репрезентации обычая в русском языке: семантико-мотивационный анализ)** входит выявление синонимов и аналогов слова *обычай* ‘элемент социального порядка или сам такой порядок’ в русском языке, а также их семантико-мотивационный анализ.

2.2.1. Слова со значением ‘обычай’ в русском языке. В результате сбора данных по «Словарю современного русского литературного языка» выявлен ряд обозначений обычая (24 лексемы). Диалектные же материалы содержат более 90 слов: *быва, быт, véра, дорóга, заведёнка, завычина, загуды, закóн, мо́да, мо́дель, náча, náция, обихóд, обнáк, опра́ва, поло́женость, полю́дь, привере́дня, привилéгия, притво́рка, при́хоть* и др., принадлежащие разным говорам, то есть не функционирующие в одном языковом идиоме.

2.2.2. Мотивационный анализ обозначений обычая в русском языке. Лексические репрезентанты понятия «обычай» в русских народных говорах и общенародном языке были проанализированы в аспекте мотивации.

НОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ МОТИВЫ. Анализ внутренней формы ряда обозначений обычая позволяет провести экспликацию представлений об обычае как норме – средстве поддержания порядка, организации повседневной жизни. Таковы лексемы, в которых реализованы **мотивы упорядочивания, порядка, организации.** Привлекается лексика с корнем *-ряд-* (*обряд, порядок, порядня, наряд* ‘обычай’ и др.). «Геометрия» расположения множества объектов в пространстве – образ, актуализирующий в лексике сему организации. Идея ряда, порядка релевантна для устар. *чин* ‘порядок совершения чего-л.; обряд’, урал. *чин* ‘обычай, обряд’ (*Раньше говорили: родился чином и помер чином*), ср. простореч. *чин чинарём (делать что-либо)* ‘делать как положено, по порядку’. В исследуемой лексике представлены и **мотивы управления**, актуализируемые посредством привлечения основ с корнем *-прав-*: *право, правило, заправа, оправа.* **Семиотические мотивы, или мотивы эталона, ориентира, знака,** реализуются при обращении носителя русского языка к основам *мода, модель, степень, дорога, стопа, постен, ум, привилегия* и др. Например, интересный случай представляет собой сев.-двин. *постён* ‘обычай,

привычка'. В русских народных говорах это слово и его варианты (включая *пастен*, *постень*) обозначают, помимо нечистой силы (домового, черта), также какой-либо отпечаток – тень, след на снегу. Такие отпечатки служат знаками, носителями информации. По тени определяют время: *Хошь узнать время, гляди на свою пастень*. В гаданиях по отпечатку тела человека на снегу или по его тени, появляющейся на стене от горения свечи, предсказывается судьба человека. Семиотическая природа отпечатка имеет решающее значение сев.-двин. *постён* 'обычай, привычка', поскольку и тень, и след, и обычай – своеобразные копии, отпечатки и одновременно образцы. Знаковый характер обычая заключается в его воспроизведении: каждый раз повторяется (следом, отпечатком, копией) то, что было ранее. **Социальный компонент** регулятивных мотивов обнаруживается при использовании основ *люди*, *дед* – субъектов регуляции: пск., твер. *полюдьё* 'обычай, заведенный порядок' и др.

БЫТИЙНЫЕ МОТИВЫ. Часть вербальных репрезентаций обычая содержит отсылки к бытийным (или онтологическим) смыслам: 'начаться', 'положить', 'установить(ся)', 'завестись', «повестись», «вестись / водиться», «быть»: *нача*, *начия*, *покон*, *закон*, *причина*, *старина*, *положение*, *установление*, *быт*, *заведенье*, *заведёнка*, *повод*, *поведенция*, *поведёнье* 'обычай' и др. Обычай концептуализируется как «изначальное», «установленное», «существующее (существовавшее)», «имеющее широкое распространение». Мотив «существующее» подчеркивает эмпирическую основу обычая (он дается человеку в непосредственном восприятии, образует «среду обитания» – быт), другие мотивы подчеркивают авторитетность обычая (феномен определяется изначальностью, закрепленностью, давностью существования и широким распространением).

МЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ. Обычай трактуется средствами языка как феномен действительности, усвоенный («выученный») в силу практического опыта. Мотив данной группы реализован во внутренней форме ключевого слова анализируемого нами лексического ряда – *обычай*, которое возводится к праслав. **obvučajь* – суффиксальному образованию от **obvykt'i* <от **vykt'i*> (Фасмер; ЭССЯ). Ему родственны литер. *обычай*, *привычка*, *обыкновение*, диал. иван. *обычка* 'принятый порядок, обычай', арханг., ряз., тул., влад., яросл. *обык* и *обык* 'обычай', ряз., влад. *обнак* 'обыкновение, обычай, привычка', южн., зап., брян., сев.-двин., пск., помор. *звычай* и *звычай* 'обычай, обыкновение; привычка', север. *повык*, *повыка* и *повычка* 'навык; обычай' и др. В ряд

обозначений обычая входят существительные с корнем *-вад-*: моск. *пова́да* ‘обычай, обыкновение’ (*Это безумная повада: како купанье в рубашке*), уфим. *изва́дка* ‘обычай’. Ср. также арх. *ве́ра* ‘обычай, привычка’ (*У нас эта ве́ра не-ту, штобу дома запира́ть*), свердл. *ве́ра* ‘обычай’ (*Кавалеры, бросьте веру / Летом шапочки носить*), волог., яросл., мурман. *ве́ра* ‘обычай’ (*Ране веры не было в избах оклеивать*), *пове́рье, па́вер* и *пове́р*, *заве́рье* (*Вот ведь како дурно заве́рье было; В старину было запове́рие: ходить в гости всей семьей*) – о «бытовых обычаях», особенностях организации повседневной жизни человека. Человек *привык, приучился, повадился, верит* и через посредство этих действий осваивает общий для членов данного социума общественный порядок: происходит интериоризация «внешних» правил. Ментально-психологические мотивы в лексике обычая обнажают механизм усвоения социальных норм.

СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ МОТИВЫ. Образованные от основ *нрав, прихотовать, привередничать, притворяться, загудать, чудо* наименования обычая запечатлели восприятие обычая как причуды, странности, сумасбродства, чудачества. Так передается специфичность обычая, его своеобразие, закреплённость за определенным временем и местом. Смыслы «затея, выдумка» лежат в основе волог., рус. (карел.) *при́хоть* ‘обычай, правило’ (*Разных прихотей было, но не было так, что женился и разженился*), орл. *привере́дня* ‘обычай, традиция’, арх. *притво́рка* ‘примета; обычай’ (*У нас ведь много этой притворки есть*), свердл. *загу́ды* ‘обычай’ (*Все загуды делали эти вот*). Посредством мотива чуда выражается неодобрительная оценка обычая: новосиб. *чудоро́дие* ‘плохой, старый обычай’. Ср. контекст к том. *чудо́вина* ‘чудо’ (*Это же чудовина – на конях молотили*). Модель реализуется преимущественно за пределами литературного языка, в русских народных говорах.

Таким образом, нормативно-регулятивные смыслы обнаруживаются во всех значениях слова *обычай*. Социально-регулятивная семантика представлена в ядерной части структуры значения этого слова и лексем со значением ‘обычай’. Обычай, как показывает анализ его значений, имеет деятельностную природу: человек осваивает модели поведения в данном социуме, и эстетика восприятия действительности по параметру «по вкусу / не по вкусу» детерминирована привычками. В семантику слова *обычай* «встроена» идея принадлежности обычая человеку либо сообществу: обычай маркирует определенную социальную среду. Весьма показательны значения ‘нрав, характер’ и ‘вкус, симпатии’,

манифестирующие ментально-психологическую сторону бытования обычаев: человек наблюдает за тем, как устроена окружающая его среда, ведет себя, как другие, и внешнее преобразовывается во внутреннее – в привычки, характер.

Выводы о социорегулятивном компоненте семантики слова *обычай*, его аналогов и синонимов подтверждаются результатами мотивационного анализа. К числу мотивов принадлежат такие, которые передают восприятие обычая человеком (привык, приучился, верит) либо внешнюю оценку обычая как обладающего своеобразием (обычай – затея, причуда). К числу мотивировочных признаков, подчеркивающих объективные характеристики объекта номинации, следует отнести такие, которые апеллируют к конститутивным свойствам обычая (он существует; характеризуется исконностью, длительностью существования, широким распространением) и его функциям (способности к поддержанию порядка, осуществлению социальной регуляции). Взгляд на обозначения понятия «обычай» через призму этнолингвистики позволяет говорить о том, что феномен, выступающий объектом номинации, толкуется как образ действий и в этом качестве осмысливается как практическая инструкция – регулятор.

В главе 3 «ЛЕКСИКА ГОЩЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ» анализируются лексические репрезентации хождений в гости, присутствующие, безусловно, в русском литературном языке, а также образующие весьма обширную, идеографически разнообразную группу номинаций в русских народных говорах, поэтому предмет исследования – лексико-семантическое поле.

В параграфе **3.1. (Семантическая организация лексического поля «Гощение»)** подчеркивается: поле примечательно тем, что существенную его часть занимает деривационное гнездо корня *-гост-*. Обнаруживается своеобразный сценарий гощения. Ситуация включает в себя следующие компоненты: актанты, связанные субъект-субъектными отношениями (гость и хозяйева), характеристики действующих лиц (гостеприимный / негостеприимный, желанный / нежеланный и др.), предикаты, которые называют совпадающие и строго соотнесенные друг с другом по времени реализации действия актантов (гостить и принимать гостей), а также другие варианты предикатов (отправляться в гости, уходить из гостей, дарить что-либо гостям или хозяйевам и т. д.), сирконстанты (ограниченное время и определенное место), атрибуты (предметы дарения, посуда для гостей и др.). В исследуемом поле хорошо различимы пять сегментов:

«хозяин» (астрах. *госъприимец* ‘хозяин, гостеприимец’; литер. *гостеприимный* и *негостеприимный*, арх. *гостеприимник* ‘гостеприимный человек’, томск. *угостительный* ‘гостеприимный’, брян. *рахманина* ‘добрый, покладистый, гостеприимный человек’ и др.), «гость» (ленингр. *гостельник* ‘гость’, читин. *швед* ‘непрощеный гость’ (*Ребят в армию провожали, и два шведа пришло*), арх. *вѣтрный гость* ‘гость, прибывший по морю, а не по суше’, онеж. *вишывые гѳсти* ‘субботный гость’ и др.), «ситуация гощения» (волог. *по тпрушам ходить* ‘ходить по гостям поболтать, попить чай’, *повечерять* и *посумерничать* ‘посидеть вечером в гостях, поговорить’, волог. *идти в другѳзбу* ‘идти в гости без определенной цели, «посидеть», «просто так»’ и др.), «время гощения» (арх. *опраздновать* ‘почтить посещением в праздничные дни’, ленингр. *прийти с чѳсом, с квѳсом* ‘не вызвать неудовольствия своим видом у посещаемого’, ленингр. *дѳшу караулить* ‘чересчур долго быть где-н., у кого-н.’, перм. *уйти золотѳм гѳстем* ‘уйти вовремя, не надоев хозяевам’, *серѳбряный гость* ‘засидевшийся гость’, *ржѳвый гость* ‘очень засидевшийся гость, надоевший хозяевам’, вят., смол. *отгѳтки* ‘ответное посещение того, у кого были до этого в гостях’ и др.), «пространство гощения» (*ходить по гостям, вернуться из гостей*, рус. (карел.) *гостѳвище* ‘дом, где гостят’), костр. *сѳтки* и *сѳтный ѳгол* ‘комната в доме, предназначенная для приема гостей, зала, гостиная’, волог. *гощѳное место* ‘место, куда усаживают гостей’, *негощѳное (свойское) место* ‘место (на печи), где не принято сидеть гостям’ и др.), «угощение и дарение» моск., калуж., тамб., рус. (карел.), костр., том. *гостѳнка* ‘гостинец, подарок; лакомство’, камч. *выгѳщивать* ‘получать от хозяина в подарок дорогую для него вещь, с которой он неохотно расстается’, курск., орл. *гостевѳть* ‘угощать гостей’ и др.). Из них главным выступает, по-видимому, сегмент «гость», составляющий ядро поля. Другие идеограммы толкуются через центральное понятие: принимающий гостей хозяин; специальное время для приема гостей; специальное помещение или место в избе для гостей; поведение гостя; подарки от гостей или для гостей; угощение для гостей.

В параграфе 3.2 (Номинации лексико-семантического поля «Гощение» в мотивационном аспекте) слова семантического поля «Гощение» сгруппированы в соответствии с мотивировочными признаками, далее – тематическими объединениями таких признаков и затем – еще более крупными тематическими объединениями, соотносимыми со сферами отождествления, или предметно-

тематическими кодами, например, пространственно-временным, кулинарно-гастрономическим и другими. Порядок представления кодов определен согласно оценкам разнообразия привлекаемых номинатором производящих основ.

3.2.1. «Левая» мотивация слов лексико-семантического поля «Гощение». ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОД. В исследуемой лексике реализуются мотивы перемещения и размещения в пространстве: перм., арх., ср.-урал. *бывáнье* ‘пребывание где-либо, у кого-либо в гостях, посещение кого-либо’, костр. *побывáнь* ‘посещение’, твер. *приходíть сидéть* ‘приходить в гости’, влад. *в засíдку забиратьься* ‘ходить к соседям в гости в зимние вечера’, костр. *бегля́на*, арх. *бродня́*, новосиб. *ходня́*, тул. *мы́канка*, новг., костр., перм., вят., кург. *на́полза* ‘тот, кто мало находится дома, любит ходить по гостям’, костр. *наслéдование* ‘приезд, посещение’, волог. *собрану́шка* ‘соседка; гостья’, волог. *ку́чить* ‘приглашать, звать кого-либо в гости’ (*Он кучил меня к себе*) и др. Основное действие хозяев запечатлено посредством внутренней формы урал. *пуца́ть* ‘принимать кого-либо в гости’, мурман. *приёмный* ‘гостеприимный, радушный’ и др. Оппозиция «свое – чужое» реализуется и в образах своего дома, чужой избы, двора: диал. (Арм. ССР) *придо́мистый* ‘гостеприимный’, южн. *междво́рить* ‘шататься по дворам, почасту гостить’, костр. *бездомо́вик* и волог. *другозьба*, *друговизник* ‘любитель посещать чужие дома, проводить время вне собственного дома’. Если пространство гощения и перемещение в нем тщательно «прорисованы» в мотивации слов изучаемого поля, то время гощения, получившее детальную разработку в лексической семантике, почти не актуализировано во внутренней форме слов. Можно назвать только обозначения позднего гостя (*позжак*, *посляна*), гостя, явившегося в определенный период (*субботный гость*), пришедшего в ненадлежащее время или кстати (*впорый гость*, *непоратый гость*), засидевшегося (*калядски гость*), а также номинации продолжительности гощения: *неде́левать*, *годова́ть*.

КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД. Угощение как обязательная часть ритуала гостеприимства последовательно отражается во внутренней форме изучаемых слов, в том числе на уровне древней семантики, ср. этимологию слова *гость*. Праслав. **gostь* считается -t- суффиксальным производным от и.-е. **ghos-* ‘поедать’. Показательна внутренняя форма слов, характеризующих хозяина дома (литер. *хлебосольный*), названия детской игры (забайкал. *ку́шанцы* ‘детская игра в гостей и хозяев’), посещения (рус. (карел.) *побрю́шничать* ‘по-

бывать в гостях’, свердл. *пироваться* ‘гостить, ходить друг к другу в гости’), гостя (пск., твер. *обэденник* ‘тот, кто приходит в гости, чтобы пообедать’, сев.-зап. *пирун* ‘любитель ходить в гости’ и др.). Основанием привлечения «пищевой» лексики в качестве средства концептуализации представлений о гощении может быть символическое осмысление пищи – жирного, скромного как избыточного, богатого: колым., сиб., влад., арх., камч. *жировать* ‘приятно проводить время, ходить в гости, пировать’, онеж., мурман. *жировать* ‘гостить’.

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД. Мотивационный ресурс для производства лексем семантического поля «Гощение» предоставляют обозначения социальных единиц и характеристик (*люди, ватага, родимый, брахманы*), коммуникативных категорий (*радеть, ласкать, лестить, честить, почитать*). Таковы характеристики хозяев: рус. (карел.) *людской* ‘общительный, незамкнутый’, влад. *ватажный* ‘гостеприимный, хлебосольный’. Гощение концептуализируется как перемещение в «людскую» среду: зап. *про люди (идти)* ‘в люди, в гости идти’, пск., перм. *вылюжаться* ‘наряжаться, одеваться для выхода в гости’ и др. Мотивировки, отсылающие к образам социальной коммуникации, вывлияются в характеристиках хозяев: яросл., свердл., ср.-урал. *неочестливый* ‘неучтивый, невежливый’, олон. *доброрядный* ‘сердобольный, гостеприимный’, твер. *радущий* ‘гостеприимный’, север., вост., моск., твер., яросл., влад., олон., брян. *рахманый* и *рахманый* ‘гостеприимный, хлебосольный’ и др.

РЕЧЕВОЙ КОД. Вербализованный характер общения и приглашение в гости как значимый элемент ситуации «Гощение» обусловили привлечение носителем языка средств речевого кода: перм. *пригласительный* ‘гостеприимный’. Обыденное сознание различает гостей приглашенных и неприглашенных, поэтому их обозначения апеллируют к названиям речевых действий, совершаемых хозяевами, – *звать, просить, кликать, зыкать, молвить*: смол., краснодар., забайкал. *прошенный гость* ‘званный гость’, свердл. *званьё, званка* ‘званные гости’, твер. *назвинь* ‘званные гости’, ср.-урал. *зов* ‘свадебные гости’ и др. Пребывание в гостях сопровождается беседами, поэтому в мотивационный фонд вовлекается лексема *разговор*: рус. (карел.) *быть на разговорах* ‘быть в гостях’.

ОБИХОДНО-БЫТОВОЙ КОД. «Донорство» лексем, описывающих предметно-материальный мир, предопределено вниманием номинатора к атрибутам гощения. Словами с корнем *-мод-* обозначается одежда для гощения и само посещение: перм. *вымодье* ‘выход в гости’, костр. *идти на вымод* ‘выходить из дому,

идти на люди, в гости'. Присутствует метафора взаимных «расчетов»: яросл. *пóшлина* 'подарки жениху от гостей (обычно съестное)', перм. *отдар* [удар.?] 'ответное посещение новобрачными особо именитых свадебных гостей', мурман. *к вáшему грошú со своїм пятаком* 'о том, что приносят с собой к столу, идя в гости'. Хозяйственные метафоры выявляются в обозначениях нежеланного гостя, отсылающих к образам коровы, которая бродит по деревне, и крота: омск. *походли́вый как корóва* и курск. *потуро́йка* 'о человеке, который любит ходить по гостям'. В этих образах актуализированы не «природные характеристики» животных, важнее здесь взгляд на них через призму деревенского быта.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОД. Приход нежеланного, неприглашенного гостя видится как следствие игр потусторонних сил: олон. *ламáн его принёс* 'говорят о незваном госте' (олон. *ламáн* 'леший'), урал. *лешакí перенесли́* 'о том, чей приход некстати', иркут. *лэший привёл* 'о том, чей приход крайне нежелателен', пск. *Бог нанёс (нанесé)* 'о неожиданном появлении кого-н.'

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОД. В названиях посещений реализованы зрительные мотивы: север. *засмотрéньице* 'посещение', смол. *простудíть бельмы́* 'отдохнуть, побеседовать с кем-либо, сходить в гости', ср. литер. разг. *заглядывать* 'заходить, заезжать, наведываться'.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД. С активностью движения связано ворон. *вiхорная ба́ба* 'женщина, которая беспрестанно бежит по гостям или по чужим домам'. В целом образ объясним с опорой на этимологическое значение витья, однако в пользу реконструкции «метеорологического» образа говорит существование поверий, согласно которым вихри связаны с нечистой силой, являются ее воплощениями: ряз. *вiхорь* 'злой дух', ряз., тул., вят., саратов, тамб. *вiхор* 'нечистая сила, якобы находящаяся в вихрях', тул. *вiхорный* 'род мифического существа'. Свойство налетать, посещать – одна из значимых характеристик стихий, им даже приписываются взаимные гостевые посещения: казан. *вихри* 'летающие друг к другу в гости злые духи', и на этом фоне вовлечение слова *вихорный* в семантическое поле «Гощение» кажется закономерным.

3.2.2. «Правая» мотивация слов лексико-семантического поля «Гощение». Примеры использования корня *-гост-* для обозначения понятий из других тематических групп служат описанию стереотипов – наиболее устойчивых смыслов в представлениях о гощении. Чужесть гостя: диал. (б/у места) *негость* 'друг дома, член семьи, свой, близкий дому человек' (*Ко мне негость*

приехал, сын). Нежелательность, внезапность появления или опасность гостя: иркут. *поздний гость* ‘послеобеденный дождь’, сев.-двин. *госьи* ‘галлюцинации’, перм. *гость* ‘вор’, урал. *гость* ‘крыса’, волог., олон. *гостья* и перм. *госья* ‘лихорадка’. Перемещение гостя в пространстве: приход и уход: арх. *гостинное окно* ‘отверстие в помещении мельницы, через которое уходят излишки воды’, арх. *гостинная* ‘прорубь, через которую поднимается мотня невода при зимнем лове рыбы’. Ограниченность свободы поведения гостя: вост.-казах., прииртыш., том. *гоститься* ‘чувствовать себя гостем; стесняться’ (*Получайте сахар, пышки, не гоститесь*). Исключительность, незаурядность события гощения: гурьев. *что-либо в гостинку кому-либо* ‘что-либо является редкостью, диковиной для кого-либо’ (*Пирог с красной рыбой не в гостинку нам*), влад., новг., орл., курск. *вгостинку* ‘иногда, изредка’ (*Вгостимо-то все хорошо. Хоть вгостинку, а стакан и мне поднесут*). Ритуализованность гощения: угощение и подарки как его атрибуты: диал. (б/у места) *гостинина* (собир.) ‘сладости: конфеты, пряники и т.д.’, вят., петрогр. *гостинец* ‘взятка’: др.-рус. *гостинки* ‘дарованные льготы, преимущества’, *гостинець* ‘вид платы за оказание услуг’. Ролевые позиции гостя и хозяина: волог. *госья* ‘вторая вспомогательная бечева, выпускаемая с судна на помощь главной’. Праздность гостя: волог. *гоститься* ‘заниматься пустяками; бездельничать’ (*Старик-от сидит да гостится со своим гумажкам*), прииртыш., том., вост.-казах. *гоститься* ‘проводить время праздно, лениться (о хозяйке)’. Окруженность гостя вниманием: рус. (карел.) *гостеванье* ‘полнота всех жизненных благ, благодать’ (*Сейчас-то не житьё, а гостеванье*).

Результаты семантического и мотивационного анализа лексики гощения показывают высокую степень ритуализованности данной сферы взаимодействия, наличие «регламента» – предписаний для гостя и хозяина.

В главе 4 – «ЛЕКСИКА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ» – уделяется внимание лексике, репрезентирующей представления о коллективном труде.

В параграфе 4.1 (**Нормативно-регулятивная семантика в лексическом поле «Труд»**) отмечается, что к числу идеограмм, отражающих социально-нормативную семантику в лексике труда, можно отнести следующие: ‘объеди-

нение людей для совместной работы’, ‘коллективная взаимопомощь’, ‘общественное порицание плохого или отстающего работника’ и т. д.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПОМОЩЬ ОДНОМУ ИЗ ЧЛЕНОВ ОБЩИНЫ. Анализ лексики показывает, что помочи – феномен не только хозяйственный, но и социальный, выполняющий регулятивную функцию: перм. *пóмочь* ‘собрание людей для оказания кому-либо помощи в работе, с угощением со стороны хозяев’ (*Печь-ту били, дак Мария помочь ладила*), орл. *быть в камыша́х* ‘участвовать в помочах’, пск., твер. *нако́рмлины* ‘стол у хозяина, которому оказывается коллективная помощь в работе’, свердл. *замоло́ченный* ‘человек, которому помогали молотить и обязанный отработать помочи по молотье’, перм. *нахребётник* ‘человек, который сам не принимал участия в общей работе (помочи), но пришел на угощение на правах члена семьи одного из участников помочи’ (*Мужик-от ходил на помочь, а жена-то нахребетником явилась*) и др.

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ В РАБОТЕ – образы, которые регулярно становятся объектами номинации в русских диалектах. Соответствующие идеограммы характеризуется «встроенной» социальной семантикой, так как первый и последний могут быть определены только в «социальном соревновании»: иркут. *ленíвая соха́* ‘запоздалый выезд на весеннюю пахоту’, новг. *тащи́ть килу́* ‘выполнять какое-л. трудное дело, работу и т. п.’ (*Все уже выкопали <картошку>, а нам тащить килу*), арх. *кíска* ‘человек, последним завершивший каое-либо дело’ (*Навоз возили: «Ты последний приехал, ты киска!» – смеялись над ним; Последним придешь – киска. Было очень стыдно*) и т. д. Ритуальное высмеивание выполняет социально-нормативную функцию, является акцией демонстрации неодобрения, существования внутреннего общинного контроля.

УМЕНИЕ И НЕУМЕНИЕ РАБОТАТЬ В КОЛЛЕКТИВЕ. Традицией общинного выполнения некоторых хозяйственных работ обусловлено внимание носителя народной культуры к коммуникативным характеристикам личности, умению согласовывать действия внутри трудовой группы: арх. *срабо́тка* ‘согласованность в работе, сработанность’ (*Сработки нет между ними, друг друга устофиливают, ругают*), рус. (бурят.) *само́шник* ‘индивидуалист, человек, противопоставляющий себя обществу, коллективу’ (*С самошником дела не сладишь... Так самошника мы потом из артели выгнали*), рус. (бурят.), читин. *чи́га* ‘человек, не желающий подчиняться заведенному порядку’ (*Чига то и дело уходил неизвестно куда из артели. А когда чига приходил, его спрашивали, где был, чи-*

га отвечал, что это только дело его. Пришлось чигу из артели прогнать). Индивидуализм, неспособность человека работать в коллективе порицаются.

В параграфе 4.2 (**Мотивационные модели в сфере лексики коллективной взаимопомощи**) показано, что внутренняя форма обозначений помочей характеризует назначение этого явления крестьянского быта (*спомочь, пособ-ка*), его содержание (*дроворубка, пожатуха, печебитье*), инициирование (*званки, позовушка*), способ организации (*сгонщина, складцы, мирищина*), системность организации, основанную на взаимности (*заемно, отмолот*) и условие безвозмездности, отсутствия денежных расчетов (*богпомочь*). Часть выявляемых моделей номинации реализует собственно социорегулятивные мотивы.

Итак, социально-нормативные смыслы могут концентрироваться в отдельных сегментах лексико-семантического поля, которое имеет своим ядром иную, не социальную, семантику и лишь в определенной своей части пересекается с лексикой, описывающей общественные отношения. Важными оказываются социальные связи «по горизонтали»: консолидация усилий членов общины, взаимопомощь, общежительность человека.

Глава 5 – «ЛЕКСИКА ОБУЧЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ» – посвящена лексико-семантическому полю «Обучение», или «Воспитание, образование, приобщение к культуре». Образованность, воспитанность и культурность человека представляют собой черты личности, имеющие социальный «привкус», поскольку их приобретение опосредовано воздействием общества, а практическое значение состоит в социальной адаптации человека. Названные понятия имеют значительные зоны пересечения, препятствующие их отдельному рассмотрению. ОБЩЕЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО. В дефинициях слов отображены разные ситуации совершенствования человека: воспитание детей (арх. *поўка* ‘родительское воспитание’), получение образования (кемер., иркут. *на скамье сидеть* ‘учиться в школе’), приобретение культурных навыков (новг. *накультивироваться* ‘набраться знаний, стать культурным’), приобретение жизненного опыта (печор. *бiтый по плечу* ‘бывалый, опытный’), освоение ремесла, хозяйственных умений (мурман. *нашпиговаться* ‘наловчиться, научиться что-н. делать’) и др. По отношению к этим ситуациям используются слова *учить, учиться*. ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ. В литературном языке и в русских народных говорах лексемы *образование, культура, воспитание*, а также их

производные толкуются друг через друга: литер. *образованный* ‘получивший образование, обладающий образованием; просвещенный, культурный’, *культурный* ‘достигший определенного уровня культуры; просвещенный, образованный’, *воспитываться* ‘получать общее развитие и образование, преимущественно в закрытом учебном заведении’ и др. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФFUЗНОСТЬ ТОЛКОВАНИЙ СЛОВ. В дефинициях слов нередко соседствуют маркеры из разных (в пределах этих трех) семантических областей: арх. *отмени́той* ‘некультурный, необразованный, темный’, урал. *сивола́пчатый* ‘грубый, невоспитанный, необразованный’, арх. *у́мственный* ‘культурный, образованный’ и т. д. СХОДСТВО СПОСОБОВ НОМИНАЦИИ. При мотивационном анализе лексики, соотнесенной с понятиями «воспитание», «образование», «культура», выявляется общность реализуемых носителем языка моделей номинации.

В параграфе **5.1 (Семантическое своеобразие слов, принадлежащих полю «Воспитание и обучение» в русских народных говорах)** выполнен обзор семантического пространства поля.

5.1.1. Характеристика идеографической структуры лексико-семантического поля «Воспитание и обучение». В его состав входят глаголы со значениями ‘учить’, ‘учиться’, ‘обучаться’, ‘получать образование’, ‘переучивать’, ‘быть (не)грамотным, (не)образованным’, ‘расширять кругозор’, ‘воспитывать’, прилагательные со значениями ‘обученный, ученый’, ‘сведущий, развитый’, ‘(не)культурный’, ‘(не)образованный’, ‘(не)грамотный’, ‘невежественный’, ‘(не)воспитанный’ и существительные со значениями ‘ученик’, ‘воспитанник’, ‘обучение’, ‘воспитание’, ‘учеба’, ‘неуч’, ‘невежество’, ‘невоспитанность’, а также фразеологизмы с подобными дефинициями. Семантический центр поля составляют предикаты ‘учить’ и ‘учиться’.

5.1.2. Социально обусловленный компонент семантики изучаемых слов. Остановимся на диалектных фактах, удовлетворяющих условию присутствия в их значениях «семантики социальной регуляции». СЕМЕМА ‘ИЗМЕНИТЬСЯ, ВРАЩАЯСЬ В ДРУГОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ’: волог. *напíтериться*, пск. *запíтериться*, смол. *обпíтериться*, влад., моск. *намоскв́ичиться*, дон. *начерка́ситься* ‘усвоить говор и манеры горожан’. СЕМЕМЫ ‘ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ РОДИТЕЛЯМИ’, ‘БЫТЬ ОБЯЗАННЫМИ РОДИТЕЛЯМ ЗА ВОСПИТАНИЕ’, ‘ПЛОХО ВОСПИТАННЫЙ ИЗ-ЗА СИРОТСТВА’: арх. *поу́ка* ‘родительское воспитание’, пск., твер. *отéтчина* ‘дети, воспитанные в послушании старшим’, рус. (латв.)

безба́тьковщина ‘плохо воспитанный человек’ и др. Воспитание в семье осознается способом трансмиссии ценностей и приобщения к «своему» микросоциуму. Неодобряемое поведение, нарушение принятых норм относят за счет плохого воспитания родителями: пск., твер. *озéвок* ‘невоспитанный человек’, свердл. *изварна́чить* ‘испортить дурным воспитанием, избаловать’, свердл. *иства́рить* ‘испортить воспитанием’. СЕМЕМА ‘ДАТЬ НАПРАВЛЕНИЕ В ЖИЗНИ’: перм. *приде́лить* ‘дать направление жизненному пути’, пск. *напра́вить* ‘указать правильное направление в жизни, наставить’ и др. СЕМЕМЫ ‘СЛУШАТЬСЯ / НЕ СЛУШАТЬСЯ’, ‘ПОСЛУШНЫЙ / НЕПОСЛУШНЫЙ’: урал. *произво́л* ‘послушание’ (*Сын из произвола не выходит*), моск. *повиня́ться* ‘повиноваться, слушаться’ (*Старых слушаться надо было, если ты не повинялась, тебя за стол не посадят*), костр. *беззагро́зный* ‘не признающий запретов’. Повиновение в сознании носителя традиционной культуры является одной из базовых ценностей (социальной нормой), кротость есть необходимое условие обучения, усвоения норм.

В параграфе **5.2 (Лексика обучения в мотивационном аспекте)** уделяется внимание особенностям отражения социально-регулятивной функция культуры, воспитания, образования в мотивации слов.

5.2.1. Мотив социального ориентира. В качестве мотивирующих основ используются существительные *культура, люди, город, деревня, чудь, кацап, отец* и другие слова, имеющие такой этнокультурный потенциал, который позволяет интерпретировать соответствующие образы как социальные эталоны: ленингр. *в лю́ди спустíть* ‘вырастить, вывести в люди’, волог. *лю́довать* ‘вырастить, вывести в люди’, рус. (карел.) *людéть* ‘становиться культурнее’, *нелю́дскость* ‘грубость нравов, скотство, зверство, недостаток образования’; пск., твер. *неотцо́вщина* ‘непослушание, неповиновение родителям’. Слова *город, Питер, Москва, деревня* служат ориентирами не только в географическом, но и в культурном пространстве: волог. *подгоро́дник* ‘образованный, культурный человек’ и др. В качестве переносных обозначений людей невежественных и не соблюдающих правила выступают этнонимы: перм. *вогу́л* ‘о человеке, который отступает от принятых у русских норм в поведении, речи и чем-л. напоминает манси’, алт. *ту́рок* ‘неграмотный, необразованный человек’ (*Мы турками прожили, я и буквы не знаю*), ср.-урал. *чуди* ‘темные, неграмотные люди’ и др.

5.2.2. Мотив изготовления или трансформации объекта. Идея трансформации объекта реализуется в лексемах с приставкой *пере-*: пск., смол.

переи́ншить, киров., костр. *перевора́чивать*, урал. *переконовáливать* ‘перевоспитывать (перевоспитать)’. Выявляется метафора механического воздействия на объект: рус. диал. *полировать*, *бурить*, *ковать*, смол. *вытира́ть* (сов. *вы́тереть*) ‘обучать чему-либо’ (*Чужие люди вытрут*), перм. *скоблёный* ‘опытный, испытанный’ и др. Обозначились два основных направления образной концептуализации обучающего и воспитательного воздействия в языке. Так, в основе слова *образование* лежит мотив придания формы, вида, образа (общеслав. **obrazovati(se)* производно от **obrazъ*, возводимого к **obraziti(se)* – результату сложения **ob-* и глагола **raziti* с исходным значением удара), а существительное *образ* первоначально обозначало вырезанную в дереве или вытесанную в камне фигуру.

5.2.3. Мотив ограничения свободы. Выявляется народная трактовка воспитания как ограничения свободы. В основе куйбыш. *во́льница* ‘девушка, женщина, воспитанная в довольстве, а потому избалованная’, костр. *вольница-безогрóзница* ‘непослушный, своевольный человек’ лежит мотив «не слушающий запретов», ср. костр. *загрóза* ‘запрет, воспреещение’ (*Загрозы нет ему, строгости, беззагрозной такой*), перм., ряз. *загрóза*, сев.-двин. *загрóзка* ‘угроза, застрашивание’. Такой мотив отсутствует в литературной традиции и говорит об особой роли запрета в народной культуре. Реализуется мотив усмирения спутыванием, воплощаемый в метафоре запрягания, укрощения лошади: смол, кубан., терск. *заседла́ть*, ворон., смол., терск., кубан. *зау́здывать*, урал. *подсупóнивать* ‘заставить / заставляя повиноваться’, пск. *снять уздечку с кого* ‘ослабить надзор’, рус. (бурят.) *развожжа́ть* ‘ослабить требовательность к кому-либо’, свердл. *выпряга́ться* ‘отбиваться от рук’ и др. Зоологические образы эксплуатируются в литер. *крылышки подрезать*, пск. *крылышки обломать (подрезать) кому* ‘смирить кого-л. силой или морально’, ленингр. *облома́ть ко́гти* ‘укротить, усмирить, заставить покориться’. Выявляются мотивы захвата, удерживания руками: литер. *держать в ежовых рукавицах*; арх. *держáть* ‘воспитывать, следить за чьим-н. поведением’, печор. *вы́пасть с рук* ‘перестать слушаться кого-н.’. Вариацией на тему нарушения допустимых границ являются перм. *выступáть* ‘выходить из повиновения, не слушаться’, новосиб. *переступи́ть слово* ‘ослушаться’. Семантику ограничения выражает модель ‘остановить резким замечанием’ → ‘заставить вести себя иначе’, представленная глаголами *стювать*, *щувать*, *щунять*, *счувать*, *счунять*.

5.2.4. Мотив содействия в социальном становлении человека. Привлечение глаголов *вести*, *тянуть* в качестве источников семантической деривации свидетельствует о том, что воспитание концептуализируется в языке как совершение совместных перемещений субъекта и объекта воздействия в некотором жизненном пространстве: ряз. *весть* (*веду*, *ведешь*) ‘воспитывать, выращивать’, новг. *поводить* ‘воспитывать, растить’ (*Теперь детей поводят не так, как мы, бывало, поводили*), арх. *вытягать* ‘с трудом растить’, новосиб. *довесті кого до краю* ‘вырастить, воспитать кого-л.’. Выявляются также мотивировочные признаки «подсказать направление» (пск. *напрáвить* ‘указать правильное направление в жизни, наставить’, брян., смол. *припутить* ‘приучить к делу, воспитать, вывести в люди’) и мотив «придавать стоячее положение, устойчивость»: арх. *до большіх ног довесті* ‘вырастить, воспитать до взрослого состояния’, мурман. *постановлять* ‘воспитать, привить определенные навыки’, киров. *выздымать* ‘воспитывать, поднимать (детей)’.

Итак, семантический компонент ‘воздействовать, влиять / поддаваться влиянию’ доказывает, что в лексике воспитания репрезентированы представления о социально-регулятивной функции обучения. Мотивационные доминанты изготовления либо трансформации объекта, ограничения свободы и содействия человеку в социальном становлении позволяют трактовать обучение как воздействие на человека с целью его «социализации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ содержит итоги изучения избранной лексики.

Этнокультурная специфика исследуемого диалектного материала состоит в специфическом составе денотативных сфер, которые оказываются соотнесенными с функцией социальной регуляции. Если сформировать круг номинаций, представляющих разные стороны социальной регуляции в современной городской культуре, то ассортимент денотатов будет несколько иным: гощение не является здесь столь же регламентированной сферой, как в народной культуре; неинституциональные формы регуляции (обычай) уступают место властным институтам; а воспитание, в значительной мере опосредованное государственными структурами, само становится социальным институтом.

Своеобразный «центр» поля «Социальная регуляция», выявленного на материале русских народных говоров, представлен лексико-семантической группировкой «Обычай» (неслучайно народную культуру соотносят, по общему выражению, с «обществом традиции»). Речь может идти о «зонировании» –

дифференциации лексических единиц семантического поля «Социальная регуляция» по «аксиологическому приоритету», определяемому ценностной составляющей объекта номинации. *Обычаем* называется ключевое для носителя традиционной культуры понятие (главный социальный регулятор в данном типе сообществ) и одновременно множество объектов действительности, своеобразных для данного типа культуры. Лексико-семантические группировки «Гощение» и «Коллективная помощь» занимают доминантные позиции, близкие зоне аксиологического приоритета и соотносимые с ней, так как гощение и помочи – социально значимые в данном типе обществ и регулируемые обычаем взаимодействия людей. Эти сегменты образуют зону аксиологических доминант, которая с большой долей вероятности включает и другие сегменты, помимо названных. Лексико-семантическая группировка «Обучение» представляет зону неспецифических аксиологических констант, поскольку составляющие ее языковые факты называют такое воздействие на человека, преимущественно ребенка, которое во всех культурах и типах обществ служит средством трансляции социальных норм.

Мотивационный уровень анализа лексико-семантического поля «Социальная регуляция» показал регулярность обращения номинатора к пространственно-динамическим мотивам, а также к мотивам консолидации. Отметим преимущество мотивов, выражающих концептуальную оппозицию «свой – чужой», над мотивами «иерархическими». Диалектная лексика социальных отношений практически совсем не обращается к метафоре войны, противоборства.

Думается, что задачи выявления и анализа мотивационно-семантических полей можно считать перспективными для изучения этнокультурного своеобразия лексики русского языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. *Леонтьева Т. В.* Ситуация гощения в русской языковой картине мира // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1 (72). – С. 81–93.

2. *Леонтьева Т. В.* Русская народная лексика, характеризующая человека по склонности к общению: общение через призму речевого поведения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – Волгоград, 2010. – № 2 (12). – С. 48–55.

3. *Леонтьева Т. В.* К семантике и этимологии рус. *мымра* // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия Лингвистика. – 2011. – № 1 (218). – С. 10–16.

4. *Леонтьева Т. В.* Тема образования и обучения в русской паремиологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2011. – № 2. – С. 38–49.

5. *Леонтьева Т. В.* Мотив ограничения свободы в русской диалектной лексике семантического поля «Воспитание» // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – Москва, 2011. – № 2. – С. 7–11.

6. *Леонтьева Т. В.* Семантическая организация лексического поля «Обучение» в русских диалектах и общенародном языке // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – Серия Филология – СПб., 2011. – № 2. – Т. 1. – С. 138–148.

7. *Леонтьева Т. В.* Технологическая метафора в лексико-семантическом поле «Обучение и воспитание» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2011. – № 1. – С. 23–28.

8. *Леонтьева Т. В.* «Не к лицу румяна»: оценка поведения человека в народной культуре (на материале русских народных говоров) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2011. – № 2. – С. 107–112.

9. *Леонтьева Т. В.* Гощение в контексте других форм социального взаимодействия людей в традиционном обществе (на материале русских народных говоров) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2011. – № 3. – С. 206–209.

10. *Леонтьева Т. В.* К семантике слов *стювать, щувать, счувать* // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2011. – № 28. – Вып. 4 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 58–69.

11. *Леонтьева Т. В.* Негативные коннотации лексики гощения (на материале русских народных говоров) // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – Москва, 2011. – № 3. – С. 20–25.

12. *Леонтьева Т. В.* Семантическое поле «Обучение, передача опыта» в русской языковой и фольклорной традиции // Известия Уральского государственного университета. – Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3 (93). – С. 6–19.
13. *Леонтьева Т. В.* Социальные маргиналии в крестьянской общине (на материале русских народных говоров) // Известия Южного федерального университета, Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 133–141.
14. *Леонтьева Т. В.* Вербальные репрезентации понятия «общественное мнение» в русском языке: семантический анализ // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – № 4 (85). – С. 160–166.
15. *Леонтьева Т. В.* Названия коллективной помощи соседям в русской деревне: мотивационный анализ // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2011. – Т. 2. – № 3. – С. 82–88.
16. *Леонтьева Т. В.* Социорегуляция приема пищи в зеркале русской диалектной лексики // Язык и культура. – 2012. – № 2. – С. 27–43.
17. *Леонтьева Т. В.* Семемы лексико-семантического поля «Общительность» в русском языке и их номинативное воплощение // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2012. – № 21. – С. 129–139.
18. *Леонтьева Т. В.* Слава, молва о человеке как условие его успешности в социальных взаимодействиях (на материале русских народных говоров) // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2013. – № 2. – С. 21–26.
19. *Леонтьева Т. В.* «Чей хлап с утра ходил по улице?»: к истории рус. диал. *хлап* // Труды Института лингвистических исследований РАН – Acta linguistica petropolitana. – 2014. – Том X. – Часть 1. – С. 334–343.
20. *Леонтьева Т. В.* Семантическое своеобразие слова *обычай* в русском фольклорном тексте / Т. В. Леонтьева // Традиционная культура. – 2014. – № 3 (55). – С. 58–68.
21. *Леонтьева Т. В.* Слово *обычай* и его синонимы в русском литературном языке // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – Москва, 2014. – № 13–18.

22. Леонтьева Т. В. К истории изучения вербальных репрезентаций обычая и его составляющих в русском языке // Язык и культура. 2014. № 2(26). С. 57–68.

23. Леонтьева Т. В. Семантическое ядро рус. *вера* / Т. В. Леонтьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2014. – № 3. – С. 190–195.

24. Леонтьева Т. В. Нормативно-регулятивные мотивы в русских обозначениях обычая // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (133). – С. 187–199.

Монографии:

25. Леонтьева Т. В. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах: монография / Т. В. Леонтьева; науч. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 219 с.

26. Леонтьева Т. В. Обычай в русском языке: слово и понятие: монография / Т. В. Леонтьева; науч. ред. Е. Л. Березович. Москва: Флинта: Наука, 2014. 211 с.

Другие публикации:

27. Леонтьева Т. В. Морализаторство и противодействие ему в зеркале диалектной лексики // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. научных трудов. Часть 2 / отв. редактор Г. В. Судаков. – Вологда, 2008. – С. 93–100.

28. Леонтьева Т. В. Ситуация гощения в языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики, производной от *гость*) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8 – 12 сентября 2009 г. / под ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 159–161. (0,2 п.л.)

29. Леонтьева Т. В. Культура и образование в зеркале русской диалектной лексики // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тезисы докл. Междунар. конф. 19–21 октября 2009 г. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. – С. 144–146. (0,2 п.л.)

30. Леонтьева Т. В. Пространственная метафора в русской диалектной лексике, обозначающей общительных людей // Материалы IV Международ. конгресса исследователей русского языка: Русский язык: исторические судьбы

и современность (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20 – 23 марта 2010 г.). – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С. 499–500.

31. *Леонтьева Т. В.* Языковое представление кулинарно-гастрономического аспекта гощения // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (15 апреля 2010 г.). В 3-х ч. – Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 229–234.

32. *Леонтьева Т. В.* Общительность и общество: мотивационные связи между обозначениями общительного человека и обозначениями единиц социума // Русская устная речь. Материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15–17 ноября 2010 г.). – Саратов : ИЦ «Наука», 2011. – С. 48–56.

33. *Леонтьева Т. В.* Отражение категорий времени и пространства в русских обычаях и лексике гощения // Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. – Москва : Индрик, 2011. – С. 333–355.

34. *Леонтьева Т. В.* Именные фразеосочетания с соединительным союзом *и, да*: семантический потенциал // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах : материалы междунар. науч. конф. 12 – 14 мая 2011 г. – Самара : Универс групп, 2011. – С. 263–268.

35. *Леонтьева Т. В.* Социальный аспект оценочных характеристик человека по способности работать и отношению к труду (на материале русской диалектной лексики) // Стратегии исследования языковых единиц : сборник статей. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2011. – С. 38–42.

36. *Леонтьева Т. В.* Ритуализованное порицание плохого работника в русской народной культуре // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / Редкол.: В. А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 504.

37. *Леонтьева Т. В.* О дефинициях экспрессивной лексики в русских диалектных словарях // Славянская диалектная лексикография: Материалы конференции / Отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова, И. В. Бакланова; Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2011. – С. 61–62.

38. *Леонтьева Т. В.* Средства номинации понятий «друг», «дружба», «дружить» в русских народных говорах: мотивационный анализ // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Вып. 9. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – С. 159–167.

39. *Леонтьева Т. В.* Диалектная лексика со значением социальной деградации: семантический анализ / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. – 2012. – № 3: Филология. – С. 91–106.

40. *Леонтьева Т. В.* Лексика обучения как репрезентант идеи социальной маркировки личности: мотивационный анализ / Т. В. Леонтьева // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – С. 327–331.

41. *Леонтьева Т. В.* К изучению мотивации лексем семантического поля «Общественное мнение» в русских народных говорах // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 2 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 67–69.

42. *Леонтьева Т. В.* Слова *обычай* и *обыкновение* в речи современного носителя русского языка: данные лингвистического эксперимента / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. – 2013. – № 5 (17) : Филология. – С. 106–125.

43. *Леонтьева Т. В.* *Обычай* в истории русского языка (по данным словарей XI–XIX веков) / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22) : Филология. – С. 139–153.

44. *Леонтьева Т. В.* Обычай как социально-философская категория / Т. В. Леонтьева // Мир Евразии. – 2013. – № 4 (23). – С. 22–27.

45. *Леонтьева Т. В.* «Мы, говорит, люди, а вы – безлюдье...»: социальные характеристики человека // Живая старина. 2014. № 3(83). С. 52–55.

46. *Леонтьева Т. В.* Ментально-психологические мотивы в русских обозначениях *обычая* / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. – 2014. – № 4 (28) : Филология. – С. 42–56.

47. *Леонтьева Т. В.* К реконструкции понятия «общительность» (на основе анализа записей диалектной речи) // Социокультурное пространство России

и зарубежья: общество, образование, язык : научное издание : выпуск 3. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. С. 88–93.

48. *Леонтьева Т. В.* Рус. *обычай* и его синонимы как объект лингвистического изучения / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. – 2014. – № 9 (33) : Филология. – С. 37–57.

49. *Леонтьева Т. В.* К семантике слова *вера* в современном русском литературном языке / Т. В. Леонтьева // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: сборник тезисов докладов ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 7 февраля 2014 г. / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 31–32.

50. *Леонтьева Т. В.* Субъективно-оценочные мотивы в русских обозначениях *обычая* / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2014. — № 12 (36) : Филология. — С. 73—82.

51. *Леонтьева Т. В.* Слово *вера* и его производные со значением ‘обычай’ в русских народных говорах / Т. В. Леонтьева // Славянская диалектная лексикография : материалы конференции / отв. ред. О. Н. Крылова ; Ин-т лингв. исслед. РАН. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. – С. 104–105.

52. *Леонтьева Т. В.* Мотивационная структура лексико-семантического поля «Общественное мнение» в русских народных говорах // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – December 2014. – Volume 59. – Number 2. – Pp. 363–375. – (ISSN 0039-3363 (Print), 1588-290X (Online)). – DOI 10.1556/SSlav.59.2014.2.8.

53. *Леонтьева Т. В.* Номинации лексико-семантического поля «Гощение» в мотивационном аспекте / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2015. — № 3 (39). — С. 63—110.

54. *Леонтьева Т. В.* К вопросу о составе русской «социальной лексики» // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык : научное издание : выпуск 4. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. С. 125–133. DOI: 10.17853/2312-3281-2015-4-125-133.

55. *Леонтьева Т. В.* Бытийные мотивы в русских обозначениях *обычая* / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2015. — № 6 (42). — С. 53—71.